

УДК 821.161.1-1.09(043)

ЛЮЛЬКА В. Н.

(Полтава)

НАРРАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ РОМАНА А. С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

Ключові слова: стиль, нарративні стратегії, романтизм, реалізм.

Начавшаяся в конце XVIII – начале XIX столетия кардинальная перестройка литературы охватила разные уровни литературного процесса, в том числе жанры и стили, которые постепенно избавлялись от устаревшей нормативности, стали ближе к реальному бытию человека, проникались его проблемами, чувствами и переживаниями. Уже в романтизме авторское сознание определяло новые принципы организации жанровых структур и стилевые решения. Поэтому, начиная роман «Евгений Онегин» в 1823 году, когда романтизм утвердился в европейской и в русской литературе, А. С. Пушкин опирался на достижения романтической литературы, а именно: отказ от каноничности в построении жанра; опора на принцип «свободного творчества» и «свободного воображения» (Д. Чижевский); сокращение дистанции между автором, героем и миром; размывание границ между родами и жанрами литературы; изменение традиционных представлений о времени и пространстве, их сдвиги и свободное перемещение автора и героя в разных пространственно-временных планах и др.

Актуальность данного исследования определяется отсутствием в отечественном и зарубежном литературоведении научных трудов, специально посвященных изучению нарративных стратегий романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

Объект исследования – роман в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин»

Предмет исследования – нарративные стратегии романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин», их взаимодействия и функции.

Цель исследования – выявить особенности нарративных стратегий романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

Романтическое мышление принесло новое отношение к художественному слову, к самой ткани повествования. «Отныне писатель начинает овладевать и пользоваться словом как вольным, несвязанным орудием воспроизведения, анализа и познания действительности, отданным в его распоряжение. «Литературность» уступает место стремлению к правде жизни: если прежде «готовые формы» разделяли писателя и действительность, и взгляд писате-

ля, направленный на действительность, всегда встречался с закрепленным в традиции словом как посредником, как регулятором всякого смысла, то теперь писатель, обращаясь к действительности, применяет к ней *свое* слово. В итоге поэтическое слово в литературе XIX века становится индивидуально насыщенным, свободным и многозначным – в противоположность риторическому слову, которое в принципе должно соответствовать некоторому устойчивому смыслу» [3, с. 34].

Поэма и роман в эпоху романтизма стали синтетическими жанрами, соединив в себе особенности разных родов и жанровых видов, разные типы повествования и стилевые тенденции, явившись ярким проявлением творческой свободы автора и утверждения нового художественного мышления. Уже в «восточных» поэмах и в поэме «Паломничество Чайльд-Гарольда» Дж. Байроном использован принцип фрагментарности, свободное наращивание глав, внезапные переходы автора от одного предмета к другому, сближение позиций автора и героя, соединение различных нарративных форм (авторских отступлений, лирических монологов-исповедей, описаний, философских размышлений и др.). В «комической» поэме «Дон Жуан» Дж. Байрон шел по пути освоения в рамках поэмы романских стратегий, вводя элементы объективного и субъективного повествования, усиливая открытость произведения во времени, в пространстве, переключая точки зрения и др.

Роман «Евгений Онегин» А. С. Пушкина представляет собой уникальное жанрово-стилевое образование, в котором, с одной стороны, проявились традиции романтизма, а с другой – происходил активный поиск реалистических средств постижения мира. Это проявилось в выработке писателем новых нарративных стратегий, которые повлияли на развитие жанра романа в дальнейшем.

В начале XIX века категория «автор» подчиняла себе другие категории поэтики, в том числе и нарративные формы. Поэтому в организации нарративной структуры романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» ведущая роль принадлежит автору. Как известно, авторское начало было доминирующим и в произведениях романтизма. Максимальное приближение автора к герою, их диалог, совпадение и несовпадение в отдельных чертах, переключение точек зрения от автора к персонажу и наоборот, активная роль автора в движении фабулы и сюжета – все это наблюдалось уже в поэмах Дж. Байрона, в «южных» поэмах А. С. Пушкина и в романтических романах. Однако А. С. Пушкин значительно расширяет ипостаси и функции автора в произведении, а также сам дискурс авторского слова.

Автор в «Евгении Онегине» выступает в разных нарративных позициях, которые иногда сближаются, а иногда расходятся, определяя соответственно и нарративные формы. Автор предстает порой как выражение «я» писателя, в его образе проявляются некоторые черты самого А. С. Пушкина, факты его реальной биографии, однако это, в отличие от романтизма, не является доминирующей и единственной ролью автора в романе. Кроме того, хотя автор и приближен по своему мировосприятию к разным персонажам (к Евгению Онегину, Ленскому, Татьяне), однако не тождественен ни одному из них.

Автор в пушкинском романе не является раз и навсегда заданной величиной, он меняет свои роли в связи с расширением и освоением пространства жизни. Автор выступает в романе как «очевидец» и «участник» событий, «обыватель», «друг Онегина», «поэт», «философ», «романтик», «любитель искусства», «рас-

сказчик», «собеседник». Хотя писатель во многом опирается на достижения романтизма, в том числе на принцип авторской свободы, в отличие от романтических произведений, в структуру образа автора А. С. Пушкин заложил не одну, а различные точки зрения, поэтому автор в романе не выражает истину в последней инстанции, наоборот, в нем заложен принцип «множественности истин», что, по мнению Д. В. Затонского, является одним из важнейших признаков романа как жанра [2].

Существенным является то, что автор воплощает в романе не только субъективное отношение к предмету или явлению, индивидуальную истину, но и особенности общественного сознания. С этим связаны многочисленные переходы повествования от «я» к «мы», к выражению некоей общей точки зрения, которая не всегда может совпадать с точкой зрения самого автора.

Расширение содержания категории «автор» стало одним из открытых А. С. Пушкиным принципов наррации, которые изменялись с изменением самого образа автора. Динамика образа автора в романе «Евгений Онегин» проявляется и в пространственном плане (расширение социальных ролей автора и освоение им широкого пространства жизни), и в плане временном, поскольку автор у А. С. Пушкина меняется с течением времени, вступает во взаимодействие со временем, в диалогические отношения с веком, с прошлым и настоящим, предвидит будущее. Таким образом, не только пространственные, но и темпоральные параметры значительно раздвигают авторский дискурс в романе «Евгений Онегин», придавая романному жанру большую широту по сравнению с романтизмом.

Если в начале романа «Евгений Онегин» автор предстает «таким, как все», акцентируя свою принадлежность к миру «всех» («Мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь...» [5, с. 7], «Мы все глядим в Наполеоны...» [5, с. 37] и т.д.), то в конце романа образ автора становится более глубоким и философским. Он предаётся размышлениям о мире, быстротечности жизни, сущности искусства и бытия. Библейские аллюзии и реминисценции формируют философский дискурс авторского слова в финале произведения («Блажен, кто смолоду был молод...» [5, с. 169], «Блажен, кто праздник жизни рано...» [5, с. 190]). В восьмой главе к определенному итогу приходят не только герои, но и автор, которому открылось новое видение жизни и новое предназначение поэтического слова. Поэтому восьмая глава построена на темпоральной оппозиции «тогда-теперь» не только относительно образов Татьяны и Онегина, но и относительно образа автора («В те дни, когда в садах Лицея...» [5, с. 165], «С тех пор, как юная Татьяна...» [5, с. 190], «Но те, которым в дружной встрече Я строфы первые читал...» [5, с. 190], «О много, много рок отъял!...» [5, с. 190]).

Художественное время романа «Евгений Онегин» приобретает необычайную широту за счет соединения в нарративных формах плана настоящего с планом прошлого (например: «Еще бокалов жажда просит Залит горячий жир котлет...» [5, с. 11] и в последующей строфах «Волшебный край! Там в стары годы...» [5, с. 12], «Мои богини! Что вы? Где вы?...» [5, с. 12]), многочисленных переходов автора от злободневных тем к воспоминаниям (личным, историческим, социальным, культурным и т.д.) и даже к плану предвидения-переосмысления (например, размышления о судьбе Ленского, о возможном исходе дуэли: «Не засмеяться ль им пока Не обагрилась их рука...» [5, с. 129] и др.).

У романа «Евгений Онегин» фактически нет четкой хронологической последовательности, нет начала и конца. Автор как бы внезапно начинает повествование, выхватывает «кусочек из жизни» и так же внезапно обрывает повествование, которое в фабульном отношении осталось незавершенным. За счет разнообразных форм наррации писатель показывает действительность как нерасчлененный «поток», сотканный не только из реальных событий отдельных людей, но и из событий, касающихся всего общества, истории, культуры.

Время и пространство в романе утрачивают определенность и завершенность, их формы предстают в динамике, прежде всего, благодаря нарративным стратегиям. А.С. Пушкин закладывает в «даль свободного романа» динамизм и подвижность самого мира, перспективу его развития, что, по мнению М.М. Бахтина, является одним из отличительных признаков романа в отличие от эпоса [1].

Манера живого свободного повествования, диалог с героем и с читателем – эта особенность романтической «комической» поэмы («Дон Жуан» Дж. Байрона) была использована и А. С. Пушкиным. Разговорные конструкции, введенные в высказывания от имени автора, создают эффект непринужденного разговора (например, «Всего, что знал еще Евгений, Пересказать мне недосуг...» [5, с. 8], «Так люди (первый каюсь я) От делать нечего друзья» [5, с. 37] и т.д.). Однако, в отличие от романтизма, эта черта в пушкинском романе служит не только воплощению индивидуального сознания и авторской свободы, но, прежде всего, сокращает дистанцию между текстом и самой жизнью, вводит в роман широкий пласт настоящего, пласт современности. Как отмечал М. М. Бахтин, роман как «единственный становящийся жанр» отражает становление самой действительности, выражает тенденции «становления нового времени», поскольку это единственный жанр, рожденный этим миром и во всем соприродный ему» [1, с. 451].

Субъективное повествование реализуется в романе «Евгений Онегин» в самых разнообразных формах: прямая речь автора и персонажа (в том числе их монологи, внутренняя речь), диалог, непрякая речь (через сложноподчиненные конструкции).

В отношениях автор-читатель заложен не только компонент диалогизма, но и компонент игры. Автор вызывает определенные читательские ожидания и тут же обманывает их (например, обращаясь к читателям как к «друзьям Людмилы и Руслана», впоследствии не оправдывает романтические ожидания); вводит читателя в заблуждение и оставляет в неведении (образ Онегина так и остается до конца не ясным: «Так кто же он?..»); заставляет читателя поверить в некоторые доказательства, которых на самом деле нет (заверяет, что именно он, автор, хранит письма Татьяны и Онегина, что у Татьяны был некий прототип) и т.д. Компонент игры способствует усилению диалогизма нарративных форм, а, с другой стороны, создает эффект движущейся текстовой реальности, не завершенной окончательно и выходящей за рамки текста. Роман как жанр оставляет впечатление незавершенности, перспективы развития образов и художественной реальности в целом.

Психологическая объемность и пластичность образов персонажей в «Евгении Онегине» создается во многом благодаря психологизированным формам повествования (монологи, диалоги, стилизованные конструкции, непрякая речь и т.д.). Как отмечал Д. Лукач в работе «Теория романа», сущность романного жанра составляет история «проблемного индивида», поэтому внутренней

формой романа является «процесс движения проблемного индивида к самому себе, движение от самоуглубления к действительности, с точки зрения индивида, не имеющей смысла» [4]. Психологизированные формы повествования в романе А. С. Пушкина помогают воссоздать историю «проблемного индивида» на широком социальном и культурном фоне, раскрыть рефлексии личности в мире, полном противоречий и где истина скрыта от человека.

В романе находим соединение нарративных форм, принадлежащих к разным родам литературы. Объективный рассказ о жизни персонажей дается в формах эпического повествования. Авторские лирические отступления, философские размышления, монологи героев основаны на закономерностях лирического рода литературы. Вместе с тем следует отметить присутствие в романе элементов драматизации. Некоторые сцены созданы в драматическом ключе. Например, диалоги персонажей построены по законам драматического искусства (диалоги Ленского и Онегина, матери Татьяны и ее «московской кузины» и др.). Описание приезда гостей и танцевальной коллизии во время празднования именин Татьяны, сцена дуэли, появление мужа в момент встречи Онегина и Татьяны также свидетельствует о привнесении элементов драмы в роман. Добавим к этому еще и то, что автор нередко внезапно обрывает повествование на самом интересном месте (как, например, в конце третьей главы, где Онегин предстал перед Татьяной), использует в описаниях невербальные средства для углубления драматического эффекта (долгое молчание Онегина перед тем, как он даст ей «нравственный урок»; Татьяна «тихо слезы льет рекой» перед свиданием с Онегиным в восьмой главе и т.д.). Соединение эпоса, лирики и драмы открывало новые горизонты для развития романа как синтетического жанра.

Важной особенностью нарративной организации романа «Евгений Онегин» является присутствие смеховых форм (юмор, ирония, пародия, сарказм, сатира, гротеск), которые максимально приближают время (фабульное и сюжетное), создают зону непосредственного контакта художественного образа с реальностью, дают новую точку отсчета в литературе – современность, снимают дистанцию с прошлым и иницируют его переосмысление, уничтожают страх перед бытием. Как справедливо отметил М.М. Бахтин, смех кардинально изменил в романе отношение к поэтическому слову, которое зазвучало более свободно и современно, смех также является существенным фактором смелого реалистического познания мира в романе [1, с. 464].

«Онегинская» строфа является определенной повествовательной структурой, которая дала возможность воплотить богатство нарративных форм в романе. Некоторые строфы представляют собой моно-наррации (объективные или субъективные), но есть и поли-наррации, то есть такие строфы, в рамках которых объединены разные нарративные типы и формы. Последовательное развитие сюжета, спокойный ход повествования отмечено в моно-нарративных строфах, в которых используются преимущественно полные (распространенные) синтаксические конструкции, совпадение синтаксических и метрических периодов. Например, в начале второй главы в строфах I-IV дается объективное повествование о жизни Евгения Онегина в деревне, описание «почтенного замка», «нового порядка», заведенного им. Однако уже в V строфе в пределах одной строфы наблюдается совмещение объективного авторского повествования и объективного повествования, воплощающего «общий глас» соседей. Непрямая и прямая речь, использованные в данной строфе, раскрывают конфликт Евгения Онегина с миром провинциальных обывателей. Однако особого наприя-

жения в ходе повествования еще нет, поэтому писатель вновь возвращается к моно-наррации в последующих строфах, описывающих появление Ленского и его романтические увлечения. Включение прямой речи, выражающей точку зрения обывателей («Дуня, примечай!», «Приди в чертог ко мне золотой!..») в повествование о Ленском в XII строфе создает контраст между романтическими устремлениями героя и средой.

Наиболее напряженные участки повествования в романе маркированы строфами с поли-наррацией. Причем в нарративных формах наблюдается пропуск (либо повтор) определенных компонентов, фигуры переноса, умолчания и другие синтаксические риторические средства, усиливающие драматизм повествования. Так, например, в пятой главе в строфе XXI, где описываются страшные видения Татьяны во сне, напряженное психологическое состояние героини передается с помощью соединения объективного и субъективного повествования, не прямой и прямой речи, предложений разной длины и синтаксической структуры, неполных синтаксических конструкций, несовпадения метрического и синтаксического членения.

Как уже было отмечено исследователями, А. С. Пушкин отступает от конструкции «онегинской» строфы в письме Татьяны, в письме Онегина и в «Песне девушек», которые представляют собой субъективный тип повествования, стилизацию «документов» эпохи. Они являются дополнительным средством психологической характеристики героев и лиризации повествования. Однако эти стилизованные «документы» эпохи помещены писателем в обрамлении объективного повествования, которое воссоздает приметы реального, а не вымышленного мира вокруг героев. Таким образом, их чувства, в отличие от поэтики романтизма, раскрываются на фоне реальной действительности, она же и диктует «роман жизни», о котором ведет речь автор в финальной строфе восьмой главы.

Таким образом, в организации нарративной структуры романа в стихах «Евгений Онегин» А. С. Пушкин опирался на достижения романтизма, но при этом разрабатывал и новые стратегии развития жанра, открытого к движущейся действительности, к освоению разных родов и жанров, к осмыслению жизни в широком онтологическом смысле. Соединение разных типов и форм повествования свидетельствует об активном поиске писателем реалистических средств постижения мира и человека, о многогранном раскрытии жизни, о становлении романских форм в русской литературе XIX века.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бахтин М. М. Эпос и роман (о методологии исследования романа) / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. – С. 447–483.
2. Затонский Д. В. Европейский реализм XIX века : линии и лики / Д. В. Затонский. – К. : Наук. думка, 1984. – 278 с.
3. Категории поэтики в смене литературных эпох / [С. С. Аверинцев, М. Л. Андреев, М. Л. Гаспаров и др.] // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания : сб. ст. – М., 1994. – С. 3–38.
4. Лукач Д. Теория романа / Д. Лукач // Новое литературное обозрение (НЛО). – 1994. – №9. – С. 13–78.
5. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 17 т. / А. С. Пушкин. – М. : Воскресенье, 1995. – Т. 6 : Евгений Онегин. – 700 с.

ВИКТОРИЯ ЛЮЛЬКА

НАРРАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ РОМАНА А. С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН».

В статье показано взаимодействие романтизма и реализма в нарративных стратегиях романа в стихах «Евгений Онегин». Раскрыто художественное новаторство А. С. Пушкина в разработке романного жанра. Определено влияние на индивидуальный стиль писателя предшествующих традиций литературы.

Ключевые слова: стиль, нарративные стратегии, романтизм, реализм.

VIKTORIYA LYULKA

THE PECULIARITIES OF NARRATIVE STRATEGIES OF ALEXANDER PUSHKIN'S NOVEL «EUGENE ONEGIN».

In the article the interaction of romanticism and realism in the narrative strategies of the novel in verse "Eugene Onegin" is shown. The artistic innovation of Pushkin in the development of novel genre is disclosed. An influence on the individual style of the writer of prior literature traditions is specified here.

Key words: style, narrative strategies, romanticism, realism.

Одержано 5.04.2012 р.